

Структура глагольной метафоры

БРАНКО ТОШОВИЧ

(Грац)

Одним из самых привлекательных, самых изученных и все же самых загадочных языковых феноменов является метафора. Это комплексное явление, которое по-разному называется (*троп, фигура, образное средство*, прием и т. п.), обладает особенной семантической структурой. В анализе метафоры мы исходим из того, что ее основными аспектами являются номинация, значение, функция, корреляция, структура, прием, результат приема и типология (общая система метафоры представлена на схеме 1).

На уровне номинации мы метафору рассматриваем как реноминацию, входящую в более широкую систему вторичной номинации. Что касается значения, здесь мы имеем дело с переносным значением, основанном на созвучии. Метафора выполняет различные функции, которые можно свести к следующим: усиление, идентификация (самоидентификация), характеристика, актуализация. Этот троп имеет сложную систему корреляций, состоящую из конститuentов (первичных и вторичных) и сфер корреляций. В процессе метафоризации дают о себе знать два процесса: притяжение и отталкивание. В сфере корреляций выделяется коррелятивный категориал, состоящий из экстра-, интер- и интракаториала. Так как метафора строится на системе оппозиций (противочлен А – противочлен Б), в анализе метафоры необходимо выявить признаки этих противочленов (мы различаем три основных признака: задерживаемый, актуализируемый и нейтрализуемый). На коррелятивном уровне релевантным свойством метафоры является сходство и проявление гипонимии. Что касается структуры метафоры, мы различаем структуру лексической и структуру грамматической метафоры. Обе имеют кодируемую и декодируемую конструкцию. Важным аспектом метафоры является ее (не)обратимость.

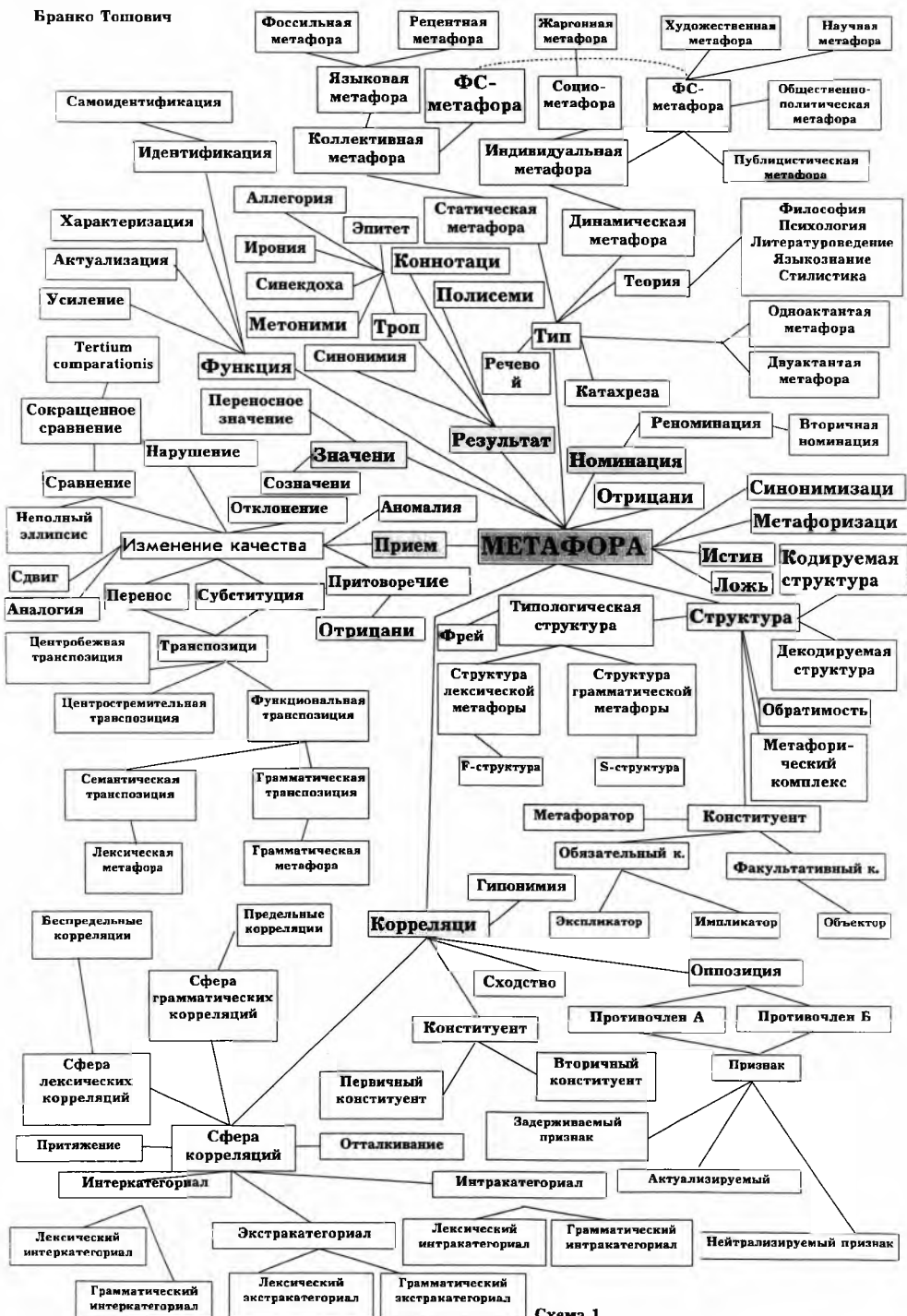

Схема 1

При изучении метафоры надо иметь в виду и то, что она всегда возникает на базе определенного приема. Из трех основных типов приемов (изменение качества, изменение количества, изменение последовательности) здесь мы имеем дело с изменением качества. Метафорический прием можно охарактеризовать как сознательный сдвиг, аномалия, противоречие, нарушение нормы, отклонение, перенос, субституция, аналогия. Основу данного приема составляет транспозиция. Мы различаем два типа транспозиции: функциональную (семантическую и грамматическую) и процессуальную (центростремительную и центробежную). В основе метафоры лежит сравнение, которое можно толковать как сокращенное сравнение (*tertium comparationis*), неполный эллипсис и т. д. Результатом приема является троп (метонимия, синекдоха, ирония, аллегория, эпитет). Второй результат – создание коннотации, экспрессии. Третий результат – расширение и углубление полисемии и синонимии.

На типологическом уровне мы в первую очередь различаем статические и динамические метафоры. Статическими являются общепринятые, коллективные метафоры, имеющие две разновидности: а) языковые метафоры, б) функционально-стилистические метафоры. Динамическими метафорами являются индивидуальные метафоры. Второй вид типологии исходит из дисциплин, в рамках которых рассматривается метафора: философии, психологии, литературоведения, языкознания, стилистики, риторики. Третий тип метафоры относится к ее структуре (здесь можно, например, выделить одноактантную и двуактантную метафору). Четвертый тип связан с определенным речевым актом. Наконец, важным аспектом метафоры является ее толкование как отрицание и как отношение истина – ложь.

В изучении метафоры формировались следующие основные взгляды: философский, психологический, искусствоведческий и лингвистический (лингвостилистический).¹

1 Эти глобальные теории можно дальше делить на более узкие, более специализированные, как это делает, например, Г. К. Склярёвская (Склярёвская 1993: 6-10). Она выделяет 11 направлений (исходя из формальных показателей о том, к каким научным дисциплинам можно отнести определенный анализ): семасиологическое, ономасиологическое, гносеологическое, логическое, собственно лингвистическое, лингво-стилистическое, психолонгвистическое, экспрессиологическое, лингвистико-литературоведческое, лексикологическое и лексикографическое. Некоторые из направлений вызывают недоумение (почему, скажем, помимо собственно лингвистического направления выделяется лексикологическое направление, а отсутствует грамматическое направление, которое по сути дела отождествляется с собственно лингвистическим). Если придерживаться такого критерия,

В рамках лингвистической (лингвостилистической) теории метафоры доминируют четыре направления: сравнительное (метафора – это сокращенное, укороченное, имплицитное, сжатое, эллиптическое сравнение; Цицерон, Квинтилиан: Античные 1937), субстанциональное (метафора – это замена, субституция), транспонированное (метафора – это перенос функций с одного слова на другое; Аристотель, *Античные...* 1937, Потехня 1990) и девиационное (метафора – это аномалия, нарушение нормы, нарушение правил, отступление от правильности, семантическое отклонение, прагматическое отклонение; Левин-1990). Здесь можно еще упомянуть интеракционалистскую теорию метафоры (метафора – это взаимоотношение буквального и переносного значения; Блэк 1990) и теорию словесных оппозиций (метафора – это сдвиг от десигнации к коннотации, от центрального значения к маргинальному; Бирдсли 1990).

Исходя из анализа конкретного материала, мы считаем, что в верхнем ярусе метафорической иерархии находятся два типа метафор: статическая и динамическая метафора. Первая метафора является лексикализованной метафорой, т. е. метафорой, которая вошла в повседневный речевой обиход определенного коллектива, поэтому ее можно назвать и коллективной метафорой. Ее основная характеристика – широта употребления, устойчивость, статика. Она выступает в форме фоссильной метафоры, представляющей собой метафору, утратившую выразительность и превратившуюся в мертвую, застывшую метафору (*Снег идет*). Статическую метафору, которая используется коллективом и все еще осознается как метафора, называем рецентной метафорой (напр. *Морщины бороздят лицо; Улыбка бродит на лице* = едва заметна, появляется и исчезает; Ожегов 1993). Метафора, которая отличается неустойчивостью, непредсказуемостью, мы называем динамической метафорой (... *мороз серебрил увянувшее поле* – А. С. Пушкин). Она отличается окказиональностью, отсутствием коллективного признака. Это индивидуальная метафора. В зависимости от стиля, в котором используется метафора, различаем функциональные метафоры: художественную, научную, публицистическую и

можно сказать, что список Г. К. Спяревской является неполным, потому что число направлений можно расширить. Д. Н. Арутюнова, например, приводит следующие области знания, в рамках которых изучается метафора: философия, логика, психология, психоанализ, герменевтика, литературоведение, литературная критика, теория изящных искусств, семиотика, риторика, лингвистическая философия, разные школы лингвистики (Арутюнова 1990а: 5).

общественно-политическую (напр. научная метафора: *блуждающая почка*; общественно-политическая метафора: ... *И. Шепелович продолжал педалировать ту же тему...* – Баранов/Караулов 1991: 56).² Из всех видов социального расслоения языка метафора в первую очередь закрепляется за жаргоном (арго, тайные языки), поэтому есть смысл особо выделить жаргонную метафору (напр. *Семь лет на заводе трубил* = работал; Елистратов 1994).

Метафоризация, так или иначе, захватывает почти каждую часть речи³, хотя некоторые считают, что слова, лишенные конкретного лексического значения (имена числительные, местоимения, служебные слова), в процесс метафоризации не вовлекаются (Черкасова 1968: 37). В этом процессе господствующую позицию имеет глагол и имя существительное. В переносном употреблении глагола существует разница в метафоризации действия и состояния. Поэтому не случайно Д. Лакофф и М. Джонсон в метафоризации отдельно рассматривают действие и состояние: первые метафорически осмысляются как объекты и вещества, вторые как „вместилища”: „Например, соревнования по бегу (*race*) представляет собой некоторое событие, которое воспринимается как дискретная сущность (объект). Соревнование по бегу проходит во времени и пространстве, имеет четко очерченные границы. Поэтому мы и рассматриваем соревнование по бегу как объект-вместилище, который содержит в себе участников (в свою очередь являющихся объектами), события типа старта или финиша (являющиеся метафорическими объектами) и деятельность, состоящую в беге (к которой приложима метафора вещества)” – Лакофф/Джонсон 1990: 414.

Метафорический потенциал глагола очень большой и имеет важное (по мнению некоторых господствующее) значение для метафорики вообще. Ведущую роль глагола среди других частей речи в метафоризации показала Н. С. Смирнова в кандидатской диссертации *О метафорическом употреблении глагола: в романе „Мать” Максима Горького* она обнаружила глаголов-метафор столько же, сколько метафорических имен существительных, прилагательных и наречий вместе взятых (Смирнова 1965: XII). Йово Вукович заметил: „Глагол, можно сказать, сам собой создает основную силу выразительности” (Vuković 1967, 3). О большом

2 О публицистической метафоре см. Mladenov 1987.

3 М. Блэк *explicitly* утверждает, что метафорически может быть использована любая часть речи, хотя в случае союзов результаты неинтересны (Блэк 1993: 169).

метафорическом потенциале глагола говорили многие философы и писатели (Н. И. Грец, В. Г. Белинский, А. М. Горький, Л. Н. Толстой, С. П. Обнорский, Г. О. Винокур и другие). Особую экспрессивность глагола А. И. Ефимов объясняет богатством и многозначностью его семантической структуры, а также разнообразием синтаксических связей (Ефимов 1961: 396). По его мнению, неисчерпаемы способы употребления глагольных форм в художественных произведениях. "Общепризнанно, – подчеркивает А. И. Ефимов, – что глагол со всем многообразием его значений и смысловых оттенков, с его богато развитой системой форм и синтаксических связей является испытанным средством словесно-художественной изобразительности и что его изобразительная роль хорошо прослеживается в метафорическом употреблении. Являясь сказуемым, – продолжает он, – и вообще организующим центром фразы, глагол, употребленный метафорически, часто влечет за собой метафоризацию и других связанных с ним слов.⁴ Это объясняется не только смысловыми связями, но в известной мере синтаксическими, так как у глагола развито управление, с помощью которого осуществляется подчинение ему многих слов" (Ефимов 1961: 398-399). В другой работе он указывает на то, что метафоричность глаголов (как и других слов) создается контаминацией прямого и переносного значений и что условием для выделения метафорических значений служат синонимические связи (Ефимов 1969: 184). Он продолжает: „В создании метафорических значений велика роль аналогии. А. М. Пешковский указывал, что в таких случаях наблюдается элемент сознательной деятельности и что глагол более пригоден для такого одушевления, чем какая-либо другая часть речи" (Ефимов 1969: 184).

А. Ф. Дружинина считает, что в метафоризации глагола следует различать метафорические значения, отмечаемые в словарях, общенародные и общеизвестные, и метафорические употребления (Дружинина 1966: 91). Исходя из того, что метафора – сложное и разнообразное явление (физиологическое, психологическое, биологическое, гносеологическое, эстетическое и лингвистическое), И. А. Петрова выделяет следующие группы метафоризации глагола: 1. глаголы экспрессивного движения, 2. глаголы конкретного действия, 3. глаголы

4 То, что глагол, употребленный метафорически, влечет за собой метафоризацию зависимых слов и что метафоричность глагола нередко перерастает в метафоричность глагольного сочетания, отмечают и другие исследователи (Гвоздева 1977: 142).

отыменного происхождения, 4. глаголы широкого смысла (Петрова 1970б: 6-10). В семантической структуре глагольной метафоры Н. С. Смирнова находит три элемента: 1. новое предметно-логическое содержание, позволяющее словам выполнять функцию номинации и указывающие на определенное действие и состояние; 2. дополнительную характеристику действия или состояния – указание на силу, интенсивность (*хлынуло чувство, шептал ветер*), темп (*бежали облака*), продолжительность (*вспыхивают мысли*), широту распространения (*полетели крики струн*), завершенность, полноту (*перепахать жизнь*) и др. 3. прямое значение слова, подвергнутого метафоризации (Смирнова 1966а: 4-6). Метафоричность глагола имеет и ряд других особенностей, на которые указывают отдельные исследователи.⁵

Толкование метафоры Н. Д. Арутюновой имеет важное значение для разъяснения структуры глагольной метафоры (Арутюнова 1978; Арутюнова 1979). Арутюнова не говорит эксплицитно о глагольной метафоре, но главные пункты ее концепции имплицитно указывают на огромную роль глаголов в метафоризации языка. Она исходит из того, что фокусом метафоры является не существительное конкретного значения, а признаковое слово и что основная действующая сила механизма метафоризации – признаки вспомогательного объекта (Арутюнова 1978: 342). „Основным результатом метафоры, ее целью является выведение признаков основного субъекта. Иными словами, метафора создается путем предикации основному субъекту признаков вспомогательного субъекта.” (там же, с. 342). Для выяснения сущности метафоры Арутюнова считает важным определить природу именно этих двух категорий – предикации и признака (признаковости). Таким образом, она в метафоризации акцент ставит на категориях, конститuentами которых является глагол: в обоих

5 Мотивированные признаки семы глагольной метафоры Н. Д. Гарипова видит в абстрактности, следствии, цели или намерении действия и внешней схожести двух предметов (Гарипова 1969: 306). Д. Н. Овсяннико-Куликовский утверждает, что метафорические глаголы выражают свое значение косвенно – через образ, который говорящий понимает или может понять (цит. по Ефремов 1965: 188). В исследовании семантической структуры глагольной метафоры в романе *Мать* Максима Горького Н. С. Смирнова замечает, что глагольная метафора используется не только как средство для подчеркивания краткости, выразительности и точности, но и для создания эмоциональности (Смирнова 1966б: 77). Метафоризация глагола, считает В. И. Андрусенко, является не только средством обновления и освежения языка, но и средством синонимизации глагола (Андрусенко 1961: 189). См. также работы Софронова 1973, Стернин 1980, Степанченко 1980, Глушкова 1961, Нагапетян 1977, Гвоздева 1977, Андрусенко 1961, Петрова 1970б, Gudelj 1975, Živković 1965.

указанных категориях глагол имеет или ведущее значение (функцию предикации выполняют глаголы, качественные прилагательные, наречия, оценочные и качественные существительные) или основополагающее (в признаковости). Для понимания сущности глагольной метафоры в концепции Арутюновой менее важным является рассмотрение номинативной и „идентифицирующей” метафоры, а более релевантным анализ признаковой, т. е. предикатной метафоры⁶.

В анализе предикатной метафоры, проведенном Арутюновой, находим следующие важные выводы о метафоризации глагола в предикате. Во-первых, в функционально-синтаксическом плане метафора ориентирована на позицию предиката, но этот тезис не предполагает, что всякое фигуральное по своему смыслу сказуемое является метафорой. Во-вторых, в рамках семантического предиката глагол характеризуется многопризнаковостью: „В семантику глаголов в этом случае входят категориальные и другие свойства актантов (субъекта и объекта), а часто указание на орудие и способ осуществления действия, его цель (ср. *копать, штопать, вышивать, латать, варить, парить, жарить...*). Семантика глаголов способна в принципе охватить те типы значения, которые соответствуют зависимым от него синтаксическим местам. Семантическая структура глагола то вбирает в себя значения, связанные с его актантной рамкой, то выталкивает их из своего состава. В-третьих, в метафоризации предикатного значения присваиваются объектам ”чужие” признаки, т. е. признаки, свойства и состояния, принадлежащие другому классу объектов. Метафора этого типа может быть выведена из сравнения: *буря (ветер) шумит подобно тому, как воет зверь* → *буря (ветер) воет как зверь* → *буря (ветер) воет*. В-четвертых, наибольшими метафорическими потенциями обладают следующие категории семантических предикатов: 1) конкретные („физические”) предикаты (*течь, ударять, колоть, резать*), 2) дескриптивные (полупризнаковые) глаголы, в особенности те, которые указывают на способ действия и имеют одушевленный субъект (*есть, пить, кусать*), 3) предикаты, характеризующие узкий круг объектов (*зреть, цвести, увядать, таять*). В-пятых, особенно важна роль метафоры в формировании вторичных предикатов – прилагательных и глаголов, означающих признаки признаков

6 Н. Д. Арутюнова исходит из двух основных коммуникативных функций, влияющих на формирование категориального и лексического значения слова – функции идентификации или номинации (соответствующей теме) и функции предикации (соответствующей реме) – Арутюнова 1978: 251.

предметов (напр. идентификация оттенков цвета „температурными” словами: *теплый тон*). В-шестых, для выражения динамики разных психических сфер привлекаются и метафорически переосмысляются глаголы движения (*мысль пришла мне в голову*).

Особо обращает внимание понимание глагольной метафоры как процедуры над сценарными фреймами, слотами которых являются инструкции к действию: „Сценарные фреймы часто бывают акцидентными. Такие фреймы содержат слоты, характеризующие уникальную последовательность действий, сформированную для данного конкретного случая. Так в метафоре Н. Шмелева финансовой реформы как ”отрубания хвоста у кошки по частям” (*Горбачев будет жалеть кошку и отрубить ей хвост по частям*) фрейм финансовой реформы попадает в область когнитивного притяжения явно акцидентного фрейма, процедуры которого подобно описаны в самом именовании” (Баранов 1991: 187).

Метафора строится на отношении двух значений, из которых только одно реализуется. Метафора не содержит то, что сравнивается, а содержит лишь то, с чем сравнивается. Поэтому ее можно считать формой неполного эллипсиса.⁷ Метафора базируется на многозначности, но разница между ними состоит в том, что полисемия представляет собой интратекстуальный феномен, а метафора – экстратекстуальный. В этих двух языковых структурах наблюдаются разные виды парадигматических и синтаксических отношений. В полисемии одно слово используется для выражения нескольких значений, а в метафоре одно слово употребляется только в одном значении, являющемся вторичным, связанным с нереализованным основным значением. В отличие от полисемии, которая появляется только тогда, когда одно слово используется по крайней мере два раза, для образования метафоры это условие не является обязательным, даже частое употребление одного слова в одном тексте уменьшает ее экспрессивную значимость. Имеется достаточное количество примеров, когда лексема с одним употреблением в тексте образует выразительный троп. Полисемию и метафору объединяет то, что они базируются на одном и том же феномене – асимметрии языкового знака (одно означающее – несколько означаемых). Такой семиотический дуализм позволяет восприятие мира выразить в особой форме, в особом отображении

7 „Можно сказать, что в каком-то смысле все метафоры эллиптические *ex definitione*, так как полностью эксплицитную метафору мы бы вообще не называли метафорой” (Вежицкая 1990, 149).

действительности, в котором пережитое и выраженное и создают двойной план: на основе одного значения строится другое, содержащееся в тексте связывается ассоциативно с внеконтекстуальным содержанием и таким образом создается образное представление. Эта двуплановость значений – реализованного и фонового – составляют основу метафоры.

При помощи языковых знаков выражаются три феномена: предметная действительность (одушевленная и неодушевленная), признак (активный и пассивный) и отношение. Для называния предметной действительности используются в основном существительные и именные шифтеры (дейксисы)⁸. Активный признак выражается преимущественно при помощи глагола, а пассивный – с помощью прилагательного и адъективного местоимения. Для выражения отношения служат предлоги, союзы и частицы. Процесс называния, на наш взгляд, порождает пять основных видов номинации: первичную номинацию, идентичную номинацию, псевдоидентичную номинацию, нулевую номинацию и реноминацию.

Первичная номинация представляет собой нейтральный способ называния явлений действительности.

И сделал Господь Бог Адаму и его жене одежды кожаные... (*Библия, Бытие: 3/21*).

Идентичная номинация подразумевает обозначение одного денотата одним и тем же наименованием. Данный прием является двуплановым эксплицитным повтором (повторяется и означающее и означаемое), который ведет к созданию моносемии.

И сказал Бог: кто сказал тебе, что ты наг? (*Библия, Бытие: 3/11*)

Псевдоидентичная (коинцидентальная) номинация является случайным совпадением формальных элементов речи. Точнее, повторяется только означающее и создается а) омонимичная или б) полисемантическая номинация. Такая номинация возникает на базе внешнего (субстанциального) повтора.

а) И сказал Бог: вот, Я дал вам всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; — вам сие будет в пищу (*Библия, Бытие: 1/29*). — И заповедал Господь Бог человеку, говоря: от всякого дерева в

8 Имеются в виду те языковые средства, которые в литературе по-разному называются: реляционные слова, указательные слова, индексные слова, шифтеры, дейксисы, обозначения с переменчивой сигнификацией, подвижные определители, слова-заменители, реляционные слова и т. п.

саду ты будешь есть, а от дерева познания добра и зла не ешь от него, ибо в день, в который ты вкусишь от него, смертью умрешь (*Библия, Бытие: 2/16-17*).

б) И взял себе Ламех две жены: имя одной: Ада, и имя второй: Цилла [Селла]. (*Библия, Бытие: 4/19*). – И побежал Авраам к стаду, и взял теленка нежного и хорошего, и дал отроку, и тот поспешил приготовить его. (*Библия, Бытие: 18/7*).

Нулевая номинация представляет собой имплицитную номинацию, в отличие от предыдущих эксплицитных. Эта номинация представляет собой нулевой знак, дыру в формальной структуре текста. Типичным примером нулевой номинации является табу, когда избегается название определенного понятия. Но нулевая номинация выступает и в рамках вышеупомянутых пяти видов номинации, например в идентичной номинации:

И назвал Бог свет днем, а тьму (= назвал) ночью (*Библия, Бытие: 1/5*).

Реноминация подразумевает косвенное наименование и функционирует в двух разновидностях – в форме повторной и вторичной номинации.

Повторная номинация – это переименование уже ранее обозначенного денотата.

... и скончался Авраам, и умер в старости доброй... (*Библия, Бытие: 25/8*).

Она базируется на коррeферентности, т.е. на отношении между элементами высказывания, обозначающими один и тот же референт.⁹

Вторичная номинация означает употребление определенной языковой единицы в новой для нее функции.¹⁰

В шестисотый год жизни Ноевой, во второй месяц, в семнадцатый день месяца, в сей день разверзлись все источники великой бездны, и окна небесные отворились (*Библия, Бытие: 7/11*).

Во вторичной номинации наблюдаются следующие процессы: а) для наименования определенного понятия используется уже существующая единица, которая переосмысливается, переориентируется на новую функцию (это может быть и в форме катахрезы – внесения нового смысла в старое слово), б) создается созначение (дополнительное значение), в) означающее

9 Более подробно о повторной номинации см. Гак 1972, Гак 1977, Гак 1979, Ильясова 1991, Каргашова 1991, Скоровородников 1979, Способы 1982, Шабуришвили / Зурабушвили 1990, Яз. ном. 1977, Тошович 1996.

10 В. Н. Телия определяет вторичную номинацию как „использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения” (Телия 1977.:129).

не совпадает с означаемым, г) осуществляется опосредованное отражение действительности.

Результатом вторичной номинации является метафора.¹¹ Она не существует в языке как какая-то данность, она создается в процессе коммуникации. Метафора всегда в начале представляет собой окказиональное переименование, которое при определенных условиях может стать узуальным (в форме языковой, генетической, фоссильной, стершейся, мертвой метафоры). Такой сдвиг возникает как результат определенного приема. Любой языковой и стилистический прием можно свести к трем глобальным сдвигам: к изменению количества, к изменению качества и к изменению последовательности. Метафора, несомненно, касается изменения качества, так как не меняется число единиц, а сама линейная организация текста не нарушается. Здесь одно качество (единица А) заменяется другим (единица Б), причем нейтрализуется потенциально сопротивляемая (резистентная) сема и актуализируется потенциально реализуемая сема. Операцией, которая используется для создания метафоры, является транспозиция. Ее можно определить как прием, основанный на асимметрии языкового знака, при котором определенная языковая (лексическая или грамматическая) единица, переходит из своей функциональной сферы в функциональную сферу другой языковой единицы, сохраняя основные семантические признаки (инвариантное значение) и формальные параметры исходной, субстанциональной сферы.

Такой прием вызывает целый ряд последствий. Во-первых, создается конфликт между контекстом, в который попадает такая единица, и ее семантикой. На базе такого конфликта появляется метафора, несущая весомую экспрессивность. Во-вторых, расширяется возможность варьирования в том смысле, что возникают синонимы (помимо слова с первичной номинацией появляется лексема с вторичной номинацией, точнее одно означаемое имеет два означающих). Не случайно С. О. Карцевский сказал, что транспозиция и синонимия – это две стороны одного и того же явления (Карцевский 1927: 31). В-третьих, одно означаемое получает два означающих, но одновременно и одно из означающих приобретает два означающих. Поэтому транспозиция создает омонимию. В четвертых, сохраняя общий и нейтрализуя дифференциальный семантический признак, у языковой единицы

¹¹ Вместе с метонимией метафора считается основным способом формирования смысла вторичных наименований (Телия 1977: 190).

возникает новое значение – переносное. Так как транспозиция базируется на изменении (переносе) функции, такой прием можно охарактеризовать как процесс перефункционалирования. В связи с этим мы считаем нецелесообразным соотносить транспозицию с традиционным делением языка на определенные уровни. Более плодотворным нам кажется соотношение с глобальными языковыми сферами: сферой субстанции, сферой формы, сферой функции, сферой локации и сферой корреляции. Сфера субстанции является материальной стороной языкового знака и к данному приему не имеет никакого отношения. Сфера формы является релевантной для транспозиции, так как одной из двух основных разновидностей транспозиции является транспозиция форм (помимо транспозиции лексем). Локационная сфера (организация языкового материала) играет определенную, но не существенную роль. Для транспозиции главными сферами являются сфера функции и сфера корреляции. Если в очень сложной и разнообразной сфере функции языковых единиц, выделить лишь три функции – локацию, предикацию и номинацию (Ю. С. Степанов 1975: 122-142), то транспозиция окажется соотносимой с этой последней. Но из всех этих сфер центральной для транспозиции (таким образом и для метафоризации) является сфера корреляций.

Метафора имеет свою формальную структуру. Для нее характерна экспликация того, с чем сравнивается и импликация того, что сравнивается. Так как экспликация находится в службе импликации (а не наоборот), можно сказать, что импликация является доминантой метафоры. Импликация лежит в основе не только метафоры, но и целого круга других языковых явлений.¹² Это значит, что минимальную структуру метафоры

12 Под экспликацией мы подразумеваем такую номинацию понятий, при которой прямо, непосредственно, открыто называется определенное явление. Импликация представляет противоположный вид номинации: вещи не называются своим именем, они именуется косвенно, опосредованно (в логике импликация рассматривается как логическая связь между двумя членами – выраженным и подразумеваемым, антецедентом и консеквентом). Если экспликация ведет к созданию открытого смысла, то импликация создает скрытый смысл. Импликацию мы считаем важнейшим сегментом метафоры. Но импликацию некоторые авторы рассматривают как самостоятельную операцию на уровне текста. Такой подход наблюдается у И. В. Арнольда, который под импликацией подразумевает прием построения текста (Арнольд 1982). Текстовую импликацию он определяет как „дополнительный подразумеваемый смысл, вытекающий из соотношения соположенных единиц текста (соответствующих антецеденту), но ими вербально не выраженный (там же, с. 84). ИмPLICITным содержанием высказывания или подтекстом К. А. Долинин считает ”содержание, которое прямо не воплощено в узуальных лексических и грамматических значениях языковых единиц, составляющих высказывание, но

составляют пара „явное” – „скрытое”. Первый элемент назовем *экспликатором*, второй *импликатором*.¹³ В этом плане каждая часть речи, в первую очередь глаголы и имена существительные, имеет свои особенности. Глагольный метафорический комплекс (ГМК), т. е. глагол и метафорически связанные с ним лексеми, отличается от именованного метафорического комплекса (ИМК)

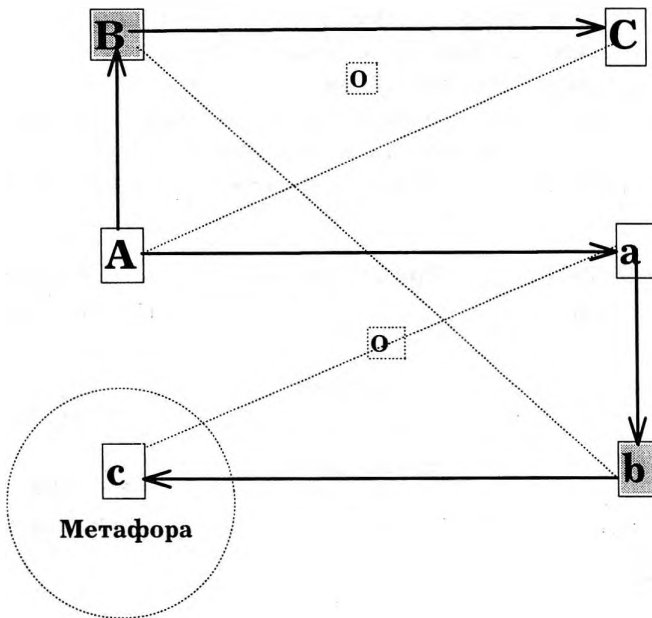
извлекается или может быть извлечено из последнего при его восприятии” (Долинин 1983: 37). В дальнейшем изложении К. А. Долинин уточняет это определение в том смысле, что отдельными видами имплицитного содержания высказывания он считает импликацию, подтекст, аллюзию, presupпозицию, „затекст”, противопоставляемый подтексту. Все эти явления можно рассматривать как тенденцию к устранению избыточности и компрессии информации (Ситдикова 1990: 33). Анна Вежицкая указывает на еще один аспект – на вопрос имплицитного отрицания в метафоре (Вежицкая 1990: 148-149). Она приводит эмпирические подтверждения тезиса о отрицании в глубинной структуре метафоры. Имплицитный характер языковой коммуникации подробно рассматривает Г. Г. Молчанова (Молчанова 1988). Она указывает, что “одним из наиболее таинственных свойств человеческого языка можно считать его имплицитность, т. е. свойство передавать явно не выраженную, скрытую информацию” (там же, с. 5). По ее мнению имплицитность слова можно рассматривать как нарушение “закона знака”, т. е. идеального одно-однозначного соответствия выражения и содержания.

- 13 Наш термин “импликатор” отличается от подобных однокоренных терминов (терминов паронимического характера), встречающихся в других исследованиях. Так, М. В. Никитин говорит о импликационале (“... импликационал слова **медведь** содержит не только сему “неуклюжий”, но и “сильный, толстый, большой, простоватый, тугодум” и т. п. – Никитин 1979: 99), Г. Г. Молчанова о импликате (неоднозначных компонентах текста, создающих стилистическую напряженность при восприятии, “проводниках имплицитной информации”), импликационале и имплитеме (Молчанова 1988: 17-18; 38, 30), Грайс об импликатах (нестрогих импликациях, позволяющих, основываясь на знании коммуникативных конвенций, определить контекстно обусловленный смысл высказывания”; цит. по Арутюнова 1990: 269-270; см. также Левин 1990: 353-356). М. Блэк в структуре метафоры выделяет фокус (слово которое используется метафорически) и рамку (окружение - frame) - Блэк 1993: 156. Метафору он также рассматривает как фильтр и в предложении *Man is a wolf* (Человек - это волк) выделяет два субъекта: главный субъект - человек (или люди) - и вспомогательный субъект - волк (или волки) - там же, с. 163. В объяснении механизма метафоры Н. Д. Арутюнова принимает мнение М. Блэка и поясняет: “ Можно считать, что в построении метафоры участвуют четыре компонента, лишь частично эксплицированные в ее поверхностной структуре - две сущности (два объекта) - основной и вспомогательный субъекты метафоры, по М. Блэку, - и некоторые свойства каждого объекта, дающие основание для сравнения” (Арутюнова 1978: 341). В предложении “Человек растаял в ночи” вспомогательный субъект метафоры (**снег, лед**, может быть, **туман**) Н. Д. Арутюнова выводит из глагола **таять**. Кроме этих двух предметных компонентов метафоры (основной и вспомогательный субъекты), которые Н. Д. Арутюнова называет “лежащими вне языка материальными сущностями”, она выделяет признаки предметов, т. е. признаки вспомогательного субъекта, которые определяют значение метафоры.

Наше выделение экспликатора и импликатора близко мнению Аристотеля о совмещении двух понятий в метафоре (Античные 1978) и о наличии в метафоре “двух мыслей о двух различных вещах”, о “представлении двух мыслей вместо одной” (Ричардс-1990, 46).

более сложной структурой. В то время как ИМК содержит только два члена – именной экспликатор и именной импликатор, ГМК имеет четыре конституента: (1) именной экспликатор и импликатор и (2) глагольный экспликатор и импликатор.¹⁴ Поэтому формальная модель ГМК имеет сигматическую форму (форму латинской буквы „S”). Такая структура глагольной лексической метафоры содержит два основных треугольника: верхний (состоящий из элементов А, В и С) и нижний (а, b, с).

Схема 2

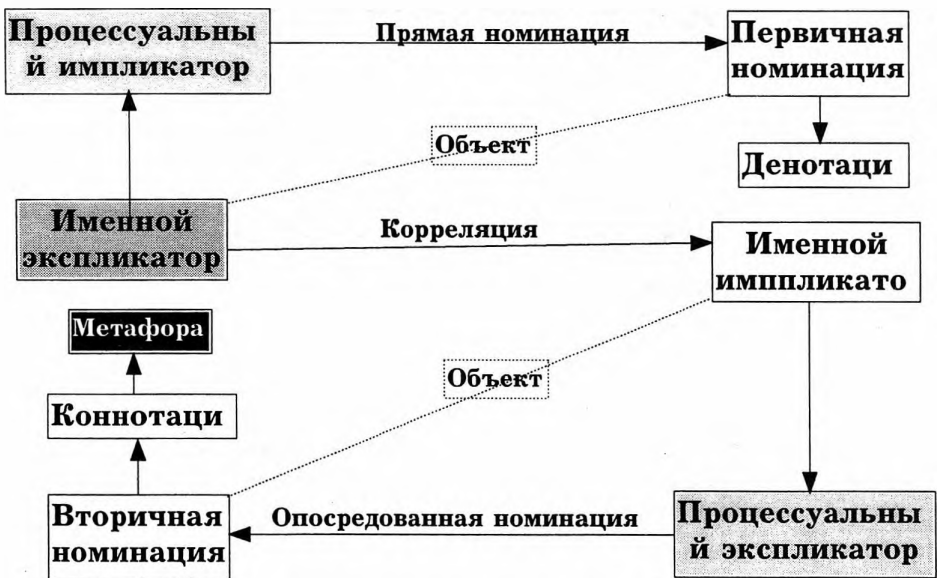

b – глагольный экспликатор	A – именной экспликатор
C – первичная номинация	a – именной импликатор
c – вторичная номинация	B – глагольный импликатор
O – потенциальный объект (пациенс)	

14 Анна Вежбицкая считает, что для экспликации метафоры нужны два элемента, а не три (Вежбицкая 1990: 149). В анализе катализа (дополнения эмпирических текстов) она утверждает, что этот принцип не имеет ничего общего с попыткой восстановления основания, или общего признака, сравнения (*tertium comparationis*), потому что однозначная реконструкция последнего для большинства метафор совершенно невозможна. Из-за этого отождествление дословной экспликации метафоры с реконструкцией *tertium comparationis* ей кажется просто недоразумением.

Верхний треугольник изображает имплицитный характер глагольной метафоры (ее смысл), нижний – эксплицитный характер, ее формально реализованную структуру. Верхний треугольник можно назвать декодирующим, нижний – кодирующим. В формальной структуре глагольной метафоры существует лишь нижний треугольник. Основу верхнего треугольника, находящегося в глубинной структуре высказывания, составляет прямая номинация, результатом которой является имплицитная денотация. В нижнем треугольнике проходит опосредованная номинация (посредником является именной импликатор), результатом которой является метафора. Таким образом, лишь при наличии обоих треугольников, можно говорить о метафорическом употреблении языковой единицы. При отсутствии второго треугольника, точнее при отсутствии импликаторов (и при наличии только экспликаторов), можно говорить лишь о прямом употреблении языковой единицы. Если расчленить эту схему, получается следующая модель ГМК.

Схема 3

В качестве иллюстрации возьмем следующий пример: *Петр пил водку*. В этом предложении процесс выражен нейтральным, экспрессивно неокрашенным глаголом *пить*. Здесь представлена первичная номинация без каких-либо дополнительных семантических и стилистических

оттенков значения.¹⁵ Но для обозначения данного действия в русском языке имеется целая лексическая парадигма, состоящая из /1/ однокорневых приставочных глаголов, образованных от глагола *пить* – *выпивать* (разг.), *попивать* (неспеша; разг.), *распивать* (неспеша; разг.), *запивать* (разг.), *отпивать* (пить понемногу; разг.) и /2/ разнокорневых глаголов, имеющих характер вторичной номинации – *тянуть* (разг.), *сосать* (разг.) *посасывать* (разг.), *цедить* (разг.), *хлебать* (разг.), *дуть* (в большом количестве; разг.), *лакать* (прост.), *глушить* (прост.), *хлестать* (в большом количестве; прост.), *хлобыстать* (прост.), *потягивать* (разг.), *заливать* (прост.), *зашибать* (водкой, хмельным; прост.), *отхлебывать* (пить понемногу; разг.), *прихлебывать* (неспеша; разг.), *глотать* (большими глотками). Если глагол *пить* заменим одним из вышеприведенных экспресsem, например глаголом-зоонимом *лакать*, имеющим значение „пить спиртные напитки в большом количестве, невоздержанно” (МАЛ 1981), получится следующее предложение: *Петр лакал водку*. Основное значение глагола *лакать* – „пить, зачерпывая жидкость языком (о некоторых животных)”, МАЛ 1981. Метафорический комплекс составляют именной экспликатор (*Петр*), именной импликатор (*собака*), процессуальный экспликатор (*лакать*) и процессуальный импликатор (*пить*). Кроме этих конститuentов, образующих все глагольные метафоры без исключения, здесь существует еще один член – факультативный элемент – объект (водка). В глагольной метафоре, связанной с предикатами-процессами, он является необлигаторным конститuentом.

15 Ю. Д. Апресян считает, что понятие „оттенок значения” строго не определено, является излишним и что все существенные вопросы теории лексических синонимов можно обсуждать и без обращения к нему (Апресян 1969: 90). „Отказ от использования не грозит ничем, кроме повышения ясности лингвистических исследований” (Апресян-1969, 91). Основной его аргумент сводится к тому, что различия в степени того или иного признака – это тоже различия в значении, поэтому нет необходимости в новом понятии сверх уже имеющегося понятия значения. Этот вывод он повторяет и в последующих исследованиях, напр: „... мы не усматриваем нужды в понятии оттенка значения и в нашем словаре мы этим термином не пользуемся” (Апресян 1995: Пб, 263). Однако мы считаем, что понятие „оттенок” значения, несмотря на его терминологическую уязвимость (на которую с правом указывает Ю. Д. Апресян, пытающийся в исследуемой им области „навести терминологический порядок” при помощи строгих научных критериев), можно плодотворно использовать особенно в стилистических исследованиях, где оно прочно закрепилось. В принципе можно проблематизировать почти всю лингвистическую терминологию, указывая на ее слабые стороны и недостатки (напр. широту, неопределенность, излишность и т. п.), но во многих случаях отказ от них привел бы к созданию более сложного и, пожалуй, более запутанного лингвистического метаязыка.

Его необязательный характер подчеркивает тот факт, что при его удалении и при поддержке контекста метафора сохраняется (*Петр лакал*¹⁶). Метафора без объекта совсем обычна от непереходных глаголов, т. е. в предикатах-состояниях (напр. *Воспоминания блекнут; Мысли бродят*; Ожегов 1990).

Таким образом, существуют два типа глагольных метафор: двуактантная метафора (метафора, имеющая в своем комплексе два актанта – подлежащее и дополнение) и одноактантная метафора (имеющая только подлежащее, агенс). Указанные конститuentы глагольной метафоры (импликаторы, экспликаторы и потенциальные объекты) образуют сеть взаимоотношений и дают возможность менять места и создавать различные варианты высказывания. Субституцией членов верхнего прямоугольника (*Петр – пить – водка*), первичная номинация, составляющая основу верхнего треугольника или треугольника импликации, превращается во вторичную: *Водка пила Петра* (теоретически правильное предложение, которое в речи скорее всего не встречается). Такое предложение можно рассматривать лишь как форму переносного употребления (напр. 'водка разоряла, уничтожала Петра'). В отличие от верхнего треугольника, имеющего три элемента (*Петр – пить – водка*), нижний треугольник, или треугольник экспликации, содержит четыре компонента (*Петр – собака – лакать – водка*). Трансформации в его плоскости дают различные результаты. Соединением трех элементов (*собака – лакать – водка*) получается предложение (*Эта*) *собака лакала водку*. С точки зрения прямой номинации такое предложение является бессмысленным, нереальным. Но оно является „нормальным” в плане вторичной номинации, потому что его можно рассматривать как носителя субстантивной метафоры: *Собака лакала водку* (собака = Петр). Третью трансформацию *Водка лакала собаку* является нелогичной, бессмысленной. При объединении элементов обоих треугольников возникают еще некоторые варианты: *Собака пила водку* – предложение семантически идентично предложению *Собака лакала водку*. В обоих случаях глаголы *пить* и *лакать* выполняют чисто денотативную функцию. Трансформация в форме *Водка пила собаку* является нереальной.

Метафора *Петр лакал водку* возникла на базе устранения гиперонимической семы → *лакать* а действие, происходящее в классе животных) и актуализации потенциальной семы (*пить* → действие,

16 Данное предложение является теоретически правильным, но так не говорят.

происходящее в классе человека и животных), т. е. актуализируется общий, архетипический признак (*пить жидкость*) и нейтрализуется дифференциальный признак (*лакать* – производить действие лишь в среде животных).

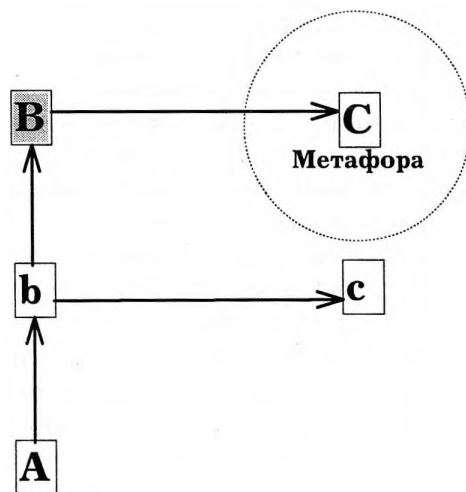
Динамический процесс в S-структуре глагольной метафоры выступает в форме закона вертушки, в которой наблюдается следующая закономерность: конstituенты, обозначенные большими буквами, заменяются конstituентами, обозначенными малыми буквами ($A \rightarrow a, B \rightarrow b$), то есть экспликатеры и имплекторы меняют места и создается усложненная метафора *Петр лакал водку* → *Собака (= Петр) лакал водку*. Несмотря на то, что глагол *лакать* соотносится с своим природным коррелятом *собака*, глагольная метафора сохраняется, потому что глагол *лакать* семантически связывается не с прямым, а с переносным значением слова *собака*. Здесь налицо двойная метафора – субстантивная и глагольная (*собака* → *Петр*, *лакать* → *пить*). Трансформация может охватывать и факультативный конstituент глагольной метафоры – объект. В данном случае он тоже имеет богатую лексическую парадигму: *водка*, „*Столичная*”, *сорокоградусная*, *горькая* (разг.), *вино* (прост.), *белое вино* (прост.), *белая головка* (прост.), *зелено вино* (прост. и нар-поэт.), *водчонка* (моск. арго), *водяра* (моск. арго), *белое* (моск. арго), *бомба* (моск. арго), *винт* (моск. арго), *казачок* (моск. арго), *керосин* (моск. арго), *керосинка* (моск. арго) и т. п.¹⁷ Если, скажем, вместо нейтральной лексемы *водка* выберем жаргонное слова *керосин*, к метафоре-агенсу (*собака*) и метафоре-предикату (*лакал*) присоединится еще одна метафора – метафора-пациенс: *Собака лакала керосин*. В результате получается, что все слова данного предложения являются метафорами, т. е. предложение полностью метафорично. Но метафорическая трансформация этим не заканчивается – ее можно перенести на грамматический уровень и вместо формы прошедшего времени использовать какую-нибудь другую форму. Грамматическая парадигма глагола *пить* тоже довольно широкая – ее образуют 13 глагольных форм¹⁸. Большинство из них являются лишь

17 Примеры для московского арго мы нашли в словаре Елистратов 1994. *Стилистические пометы* взяты из Александрова 1975, *Словарь синонимов* 1970.

18 Это инфинитив, настоящее время, будущее время, повелительное наклонение, сослагательное наклонение, деепричастие несовершенного вида, деепричастие совершенного вида, действительное причастие настоящего времени, действительное причастие прошедшего времени, страдательное причастие настоящего времени, страдательное причастие прошедшего времени, нулевая форма глагола, глагольное междометие.

теоретически потенциальными коррелятами прошедшему времени. Если выберем форму настоящего времени, т. е. настоящее повествовательное в значении прошедшего времени, то потенциальный рассказ напр. жены пьяницы, мог бы быть в следующей форме: „Я вчера иду по улице и вижу: **собака** опять **лакает керосин**” (т. е. мой муж пил водку). Здесь настоящее повествовательное является грамматической метафорой. Значит, одно простое предложение, состоящее лишь из трех членов (подлежащее, сказуемое, дополнение), может иметь даже четыре метафоры – три лексических и одну грамматическую.¹⁹

Схема 4

A – именной экспликатор

b – процессуальный импликатор

B – процессуальный импликатор

c – первичная номинация

C – вторичная номинация

19. Наш краткий анализ трансформаций в рамках ГМК указывает на то, что для метафоры свойственна метаморфоза из одного вида в другой, но эта ее обратимость имеет ограничения почти на всех уровнях (лексическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом). Однако об этом существуют различные мнения. Хотя конкретные примеры показывают, что метафора теряется в некоторых трансформациях, в исследованиях встречается мысль о том, что метафора всегда обратима (Хенле; цит. по Бирдсли 1990: 206). В связи с этим нам кажется правильным замечание: если в уподоблениях и метафорах члены поменять местами, это может сделать их бессмысленными или существенно изменить их смысл (Ортони 1990: 223). Мы согласны с Ортони в том, что контекст задает направление обратимости (Ортони 1990: 249). Н. Д. Арутюнова считает, что необходимо различать метафору и метаморфозу, если позволено в этом явлении видеть качественно новую фигуру (Арутюнова 1990а: 29).

Лексическая метафора (ЛМ) – это перенос значения с одной лексемы на другую (Вчера в кафе Петр **лакал** водку). Суть грамматической метафоры (ГМ) – употребление одной грамметы в функции другой („Вчера в кафе Петр **пьет** водку” вместо „Вчера в кафе Петр **пил** водку”). Основная разница между ЛМ и ГМ сводится к тому, что у ГМ существует два экспликатора (именной и процессуальный) и только один импликатор (процессуальный импликатор), в то время как в ЛМ существуют два экспликатора (именной и процессуальный) и два импликатора (именной и процессиональный), значит у ГМ нет именного импликатора. Поэтому, ГМ имеет другую структуру: не в форме буквы ”S” (как у ЛМ), а в форме буквы „F”. Второе существенное различие между ЛМ и ГМ хорошо заметила Е. И. Шендельс: перенос значения в лексике происходит между разными парадигмами (тематическими группами), в то время как в грамматике перенос ограничен рамками одной лексической парадигмы (Шендельс 1972: 53).

ЛМ и ГМ иногда выступают вместе, и тогда возникает лексико-грамматическая метафора (ЛГМ), напр. *Вчера в кафе Петр лакает водку*. В таком комплексе метафорику можно дальше расширять, вводя субстантивную метафору: *Вчера в кафе собака (= Петр) лакает водку*. Метафорику можно перенести и на другие члены предложения – дополнение *Вчера в кафе собака лакает лимон (= лимонную водку)*. Таким образом, возникает разноуровневый метафорический комплекс.

Любая метафора строится на двух типах отношения: на отношении определенных языковых единиц и на отношении языковых сфер, к которым данные единицы относятся. Метафорическими единицами могут быть лексемы или грамметры. Они находятся в сфере корреляций, которые в свою очередь создают коррелятивные субсферы – категориалы. Мы выделяем три главных категориала: интракатегориал, интеркатегориал и экстракатегориал. Интракатегориал составляют корреляции в рамках определенной языковой категории (напр. в рамках определенного семантического класса, лексического пласта или грамматической категории; это отношения типа род \leftrightarrow а род, вид \leftrightarrow а вид). Интеркатегориал образуют корреляции между внутренними лексическими или грамматическими категориями (на лексическом уровне это гипонимические отношения „род Я а вид”, на грамматическом уровне отношения между отдельными категориями – категорией времени, вида, наклонения, лица, залога...). Экстракатегориал – это соотношения глобальных языковых категорий, т. е. категорий, отличающихся своим

основным (инвариантным, общим) лексическим и грамматическим значением (один такой экстракатегориал образуют глаголы и имена существительные, второй глаголы и имена прилагательные и т. п.).

Таким образом, в рамках всех трех категориалов выделяется лексический и грамматический категориал. Каждый категориал имеет свои конститuentы: первичные, которые закрепляются за этой сферой, и вторичные, которые лишь при определенных условиях „гастролируют” в данной сфере. Это значит, что категориалы имеют две составляющие: постоянную (первичный конститuent) и переменную (вторичный конститuent). В сфере корреляций действуют два закона: закон функционального притяжения и закон функционального отталкивания. При первой закономерности нейтрализуется потенциальное сопротивление принимающей сферы: языковая единица стремится выйти из рамок своей сферы, не находит сопротивления (или оно нейтрализуется) и используется в ей чужой сфере. Закон функционального отталкивания, наоборот, препятствует определенной языковой единице проникнуть в другую сферу. Закон притяжения лежит в основе метафоризации, закон отталкивания исключает этот процесс. Закон функционального притяжения имеет двусторонний характер. Напр. если существуют две сферы – сфера А и сфера Б, то эта двусторонность процесса притяжения (и отталкивания также) проявляется в том смысле, что сфера А может привлекать (отталкивать) единицу сферы Б, но и сфера Б может также привлекать (отталкивать) единицу сферы А. Таким образом одна сфера выступает в двойной функции: как цель метафоризации (впитывающая сфера или сфера-приемник) и как ее источник (излучающая сфера или сфера-донор). Принимающая функция осуществляется в форме центростремительной транспозиции, донирующая – в форме центробежной транспозиции. Поскольку глагол имеет широкую семантическую базу, возникает вопрос, все ли его значения в равной степени участвуют в метафоризации или на первый план выходят определенные семантические группы. Наш анализ и исследования других авторов свидетельствуют о том, что глагольную метафорику в основном образуют определенные типы глагольных значений, и процесс этот в глобальном рассмотрении развивается от конкретного к абстрактному.²⁰

20 Направление „конкретность а абстрактность” характерна для всех метафор (не только глагольных). Один из первых, кто на это обратил внимание был Аристотель. Семантическое “движение” происходит от более конкретного и легко схватываемого образа к тому, что, возможно, является более неопределенным, более сомнительным или более странным

Так, например, в *Судьбе человека* М. А. Шолохова имеется несколько типов глаголов, входящих в метафорические сочетания. Одну из наиболее выраженных групп составляют глаголы движения, конкретное значение и семантическая широта которых является подходящим средством для метафоризации. Чаще всего метафоризируются глаголы движения, состояния и звучания,²¹ и основная база глагольной метафоры – глаголы конкретных физиологических действий (Пузин 1975: 26).

Еда на ум не идет, сон от меня бежит, всякие дурные мыслишки в голову лезут... (Шолохов 1975: 36). И на этот раз смерть мимо меня прошла ... (Шолохов 1975: 32).

Психофизиологическое состояние человека передается посредством различных семантических трансформаций глагола.

... и сердце отходит, становится мягче, а то ведь оно у меня закаменело от горя... (Шолохов 1975: 43). ... да вот сердце у меня раскачалось (Шолохов 1975: 45).

Поведение человека и его поступки также являются объектом глагольной метафоризации, особенно в случаях, когда повествование протекает однообразно, монотонно.

Бывало, напишешь, что мол, все в порядке, помаленьку воюем и хотя сейчас отступаем, но с-коро соберемся с силами и тогда дадим фрицам **прикурить**. (Шолохов 1975: 17). „Ну, - говорит, – **дуй!** Жми на всю железку!“ Я и **подул** (Шолохов 1975: 18). Командир нашей роты спрашивает: „**Проскочишь**, Соколов?“ (Шолохов 1975: 18). К этому времени наши уже **своротили** Германии скулу набок... (Шолохов 1975, 32).

(Уилрайт 1995: 82). Ю. Д. Апресян разделяет также такое мнение в рамках анализа “коннотирующей” лексики: “Приведенный материал позволяет составить представление и об основных разрядах коннотирующей лексики. Это – имена терминов родства, животных, части и органов тела, прородных объектов и явлений, физических действий, цветообозначений, словом, всего, что можно воспринять пятью органами чувств. Существенно при этом, что коннотируют обычно родовые слова (*ветер*, но не *суховей*, *свежак*), достаточно употребительные (*резать*, но не *нарезать*, *стрелять*, но не *палить*), не являющиеся терминами (*ветер*, но не *бора*, *бриз* и т. п.). Из сказанного следует, что коннотирует обычно конкретная лексика, хотя, как мы видели выше, и абстрактной лексике коннотации не чужды... (Апресян-II, 173). Метафоризации почти всегда подвергаются глаголы с конкретно-предметным значением для обозначения обобщенно-конкретного действия или внутренней, психологической активности человека (Смирнова 1966а: 7). А. Ф. Ефремов также подчеркивает, что в большинстве случаев образные глаголы образуются от конкретных существительных, обозначающих предметы (Ефремов 1965: 181). Н. А. Арутюнова подчеркивает, что метафора практически не выходит за рамки идентифицирующей (конкретной) лексики (Арутюнова-1978б, 333). Н. С. Смирнова констатирует, что в большинстве случаев метафоризации подвергается эмоционально нейтральные глаголы (Смирнова 1966: 8, 77).

21 Это объясняется их концентрацией исключительно на объект (Петрова 1970а: 143).

В описании отношений между людьми метафоризация глагола имеет функцию короткого, лаконичного и, в основном, образного выражения. Глагольные метафоры особенно выразительны в описании обостренных, конфликтных ситуаций, когда и слово должно обрести силу.

Упади я – он и **пришил бы** меня к земле очередью... (Шолохов 1975: 21).

Межличностные отношения могут выражаться абсурдным способом: сопоставлением с чем-то, что им противоположно. Так, описывая игру Мюллера с Соколовым (которая напоминает игру кошки с мышью), Шолохов употребляет глаголы **расписаться** и **расписать** в значении „погибнуть” и „расстрелять”:

Здесь неудобно, пойдем во двор, там ты и **распишешься** (Шолохов 1975: 30). Я готов, герр комендант, пойдемте, **распишете** меня (Шолохов 1975: 31).

Но мотив смерти может быть выражен и проще:

Ну и допросился: дал фашист через дверь, во всю его ширину, длинную очередь... (Шолохов 1975: 23).

Метафоры, связанные с межличностными физическими столкновениями (вплоть до экстремальных), могут строиться и на основе визуальных ассоциативных связей:

„**Засветит** он мне сейчас промеж лопаток, и не донесу ребятам этих харчей” (Шолохов 1975: 32). Но месяца через три и мне **блеснула** радость... (Шолохов 1975: 38).

Они могут возникать из ассоциативного круга, из которого происходит и понятие, образно выраженное:

... а сам упал на этого парня, и **замерли** мои пальцы у него на глотке (Шолохов 1975: 24).

Глаголы, связанные с идеей огня очень подвержены метафоризации.

И вспоминания **разгорались** все сильнее (Чех 1975: 14).

Описывая природу, М. А. Шолохов оживляет мертвое, статичное приводит в движение. Это особенно сильно проявляется в начале повествования, в котором чувствуется глубокая привязанность автора к степи и ее широте, любовь к необозримому простору.

.. а с дальних прихоперских степей, **тонувших** в сиреновой дымке тумана, легкий ветерок нес извечно юный, еле уловимый аромат... земли (Шолохов 1975: 8).

Часто глагольные метафоры возникают из связи действия, о котором говорится, с другими природными явлениями – водой (*течь, струиться*,

литься, капать... , напр. *Льются песни*),²² ветром (*дуть, задуть, вейть, продувать...* – *Так и дует на балалайке*, Ожегов 1990), растениями (*цвести, процветать, вянуть, увядать, сохнуть* – *Цветет самобытное искусство* – Ожегов 1990), животными (*выть, гавкать, квакать, мурлыкать, мычать, мяукать, реветь, ржать, рычать, чирикать, щебетать, отелиться, особачиться...* – *чирикающие девицы*, Ожегов 1990)... Группа зоонимов представляет собой особенно значительную группу глаголов, подверженных метафоризации. Эти глаголы, называемые по-разному (зооглаголы, глагольные зоонимы, глагольные зооморфизмы, глагольные зоосемизмы, бестиальные глаголы), позволяют передавать нюансы интонации человеческой речи (*ворковать* – мягко, нежно говорить), его силу (*рычать* – грубо говорить, кричать) и т. д. За каждым из них – определенное переносное значение: *брехать* (врать, говорить вздор), *клохтать* (проявляя беспокойство, беспорядочно говорить), *лаять* (бранить, ругать), *скулить* (докучать жалобами, ныть), *стрекотать* (говорить быстро, без умолку), *тявкать* (ворчать, браниться) и т. п.²³ Г. Н. Скляревская считает что тип метафоры „животное → человек” является одним из самых сильных экспрессивных средств в языке и указывает, что обычно такие наименования-характеристики направлены на дискредитацию, резкое снижение предмета речи и обладают яркой пейоративной окраской (Скляревская 1987: 62).

22 О системе организации метафорического поля „вода” и метафорической активности глагола *течь* см. Скляревская 1993: 120-135.

23 Глагольные зоонимы Н. П. Колесников объединяет в нескольких семантических группах: 1. глаголы, содержащие в своем значении указание на один из характерных признаков того животного, от названия которого они образованы (*ежиться, петушиться, лисить*), 2. глаголы со значением „произвести / производить потомство” (*ожеребиться – жеребиться, оягниться, окотиться, опороситься, озайчиться*), 3. глаголы со значением “охотиться на животное, от названия которого образован глагол” (*белковать, мышковать, рачить, скворечничать, перепеляничать*), 4. глаголы, указывающие на профессию или постоянное занятие человека – ловля, разведение, продажа животных, от названия которых образован глагол (*воронить, голубить*), 6. глаголы, связанные с условиями жизни и быта русского народа в далеком прошлом (*кабанить*) - Колесникова 1978: 96. В “Словаре русского языка” насчитывается около 1000 зооглаголов, которые Ф. С. Бацевич разделяет на четыре группы: глаголы, обозначающие характерные звуки, издаваемые животными (*мяукать*), обозначающие процесс рождения детенышей (*телиться*), обозначающие характерные способы приема пищи (*лакать*), обозначающие специфические движения, действия и состояния (*галопировать, бодаться*) - Бацевич 1988: 23. Подробнее о сравнении человека с животными см. также Васильева 1981, Войтик 1982, Кацитадзе 1985, Росинене 1985, Сергеев 1983, Колесникова 1978, Скляревская 1993.

Проведенный анализ позволяет сделать несколько основных выводов. Одним из самых привлекательных, самых изученных и все же самых загадочных языковых феноменов является метафора. Это комплексное явление, которое по-разному называется (*троп, фигура, образное средство*), обладает особенной семантической структурой. В анализе метафоры мы исходим из того, что ее основными аспектами являются номинация, значение, функция, корреляция, структура, прием, результат и типология. На основе проведенного анализа мы пришли к следующим выводам.

1. Метафора является видом реноминации (косвенного наименования), при которой определенная языковая единица (лексическая или грамматическая) переосмысливается и переориентируется на новую функцию. Такие семантические сдвиги ведут к образованию лексической, грамматической и лексико-грамматической метафоры.

2. Метафора создается при помощи транспозиции – приема, в основе которого лежит изменение качества.

3. Сущность метафоры лежит в глобальных языковых сферах, причем самыми релевантными из них являются сфера функции и сфера корреляции. Глагольная метафора строится на двух типах отношений: на отношении языковых единиц (лексем или грамем) и на отношении языковых сфер, к которым они принадлежат.

4. Глагол обладает очень широким и разнообразным метафорическим потенциалом. Процесс метафоризации глагола имеет, как правило, направление „конкретное а отвлеченное”.

5. Глагольная метафора имеет свою формальную структуру. Ее порождает внешний генератор (метафоратор). Элементы самого узкого контекста, участвующие в образовании переносного значения, составляют глагольный метафорический комплекс (ГМК). Он имеет два типа конstituентов – обязательные и факультативные. Обязательными конstituентами является экспликатор и импликатор, факультативным – обьектор. Конstituенты ГМК образуют сеть взаимоотношений, в которых они меняются местами и создают различные варианты метафорического и неметафорического высказывания. Трансформации в рамках ГМК могут иметь обратимый или необратимый характер.

6. Глагольная метафора имеет более сложную структуру, чем именная.

Литература

- Андрусенко В.И., 1961, *Стилистические функции метафоризованных глаголов-синонимов в творчестве Н. В. Гоголя*, "Вопросы русского языкознания": К 80-летию А. М. Лукьяненко, Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, С. 189-197.
- Античные теории языка и стиля*, 1937, Под общей ред. Фрейденберг О. М., Москва: Ин-т языкознания, 331 с.
- Апресян Ю. Д., 1969, *Синонимия и синонимы*, "Вопросы языкознания", Москва: № 4, С. 75-91.
- Апресян Ю. Д., 1995, *Избранные труды. Том II: Интегральное описание языка и системная лексикология*. – Москва: Школа „Языки русской культуры”, 1995. – 767 с.
- Арнольд И.В., 1982, *Импликация как прием построения текста и предмет филологического изучения*, "Вопросы языкознания", Москва: 1982, № 4, С. 83-91.
- Арутюнова Н. Д., 1978, *Функциональные типы языковой метафоры*, "Известия АН СССР. Серия литературы и языка", Москва: 1978, Т. 37, №4, С. 333-343.
- Арутюнова Н. Д., 1979, *Языковая метафора (синтаксис и лексика)*. – *Лингвистика и поэтика*, Москва: Наука, с. 147-173, 309 с.
- Арутюнова Н.Д., 1990, *Лингвистическая философия*. – *Лингвистический энциклопедический словарь*, Москва, С. 269-270.
- Арутюнова Н.Д., 1990б, *Метафора и дискурс*. – *Теория метафоры*, Общ. ред. Арутюновой Н. Д. и Журиной М. А., Москва: Прогресс, С. 5-32.
- Баранов А.Н., Караулов Ю.Н., 1991, *Русская политическая метафора (материалы к словарю)*, Москва: Ин-т русского языка РАН, 193 с.
- Бацевич Ф.С., 1988, *Семантика бестивальных глаголов (функционально-онамасиологический аспект)*. – *Вестник Львовского ун-та, Серия филологическая*, Львов, Вып. 19, С. 22-25.
- Бирдсли М., 1990, *Метафорическое сплетение*. – *Теория метафоры*, Общ. ред. Арутюновой Н. Д. и Журиной М. А., Москва: Прогресс, С. 201-218.
- Блэк М., 1990, *Метафора*. – *Теория метафоры*, Общ. ред. Арутюновой Н. Д. и Журиной М. А., Москва: Прогресс, 1990, С. 153-172.
- Васильева Э.В., 1981, *Семантическая характеристика зоонимов на микро- и макро-уровне*. – *Семантика слова и его функционирование*, Кемерово, С. 28-34.
- Вежбицкая А., 1990, *Сравнение – градация – метафора*. – *Теория метафоры*, Общ. ред. Арутюновой Н. Д. и Журиной М. А., -Москва: Прогресс, С. 133-152.
- Войтик Л.С., 1975, *К вопросу о смысловой структуре слова (на материале лексико-семантической группы наименования животных)*, АКД. – Алма-Ата, 39 с.

- Гак В.Г., 1972, *Повторная номинация и ее стилистическое использование* "Вопросы французской филологии", Москва: МГПИИ им. В.И. Ленина, С. 123-136.
- Гак В. Г., 1977, *К типологии лингвистических номинаций*. – Языковая номинация: Общие вопросы, Москва.
- Гак В. Г., 1979, *Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста*. – Москва: Наука, С. 91-102.
- Гарипова Н. Д., 1969, *К лингвистической характеристике глагольных метафор в современном русском языке*. – *Вопросы теории и методики русского языка: Труды XI зональной научной конф. кафедр русского языка вузов Сред. и Ниж. Поволжья*, Ульяновск: Ульяновский ПИ, 436 с., Стр. 305-313.
- Гвоздева А.Н., 1977, *Глагольная метафора в произведениях М. А. Шолохова*. – *Лингвистический сборник*, Москва, Вып. 9, С. 140-146.
- Глушкова Л.В., 1961, *Сравнение в системе художественной речи А. Толстого*, "Вопросы русского языкознания": *К 80-летию А. М. Лукьяненко*, С. 229-231.
- Долинин К. А., 1983, *Имплицитное содержание высказывания*, "Вопросы языкознания", Москва, № 6, С. 37-47.
- Дружинина А. Ф., 1966, *О метафоризации личных форм глагола в современном русском языке*. – *Ученые записки МОПИ: Русский язык*, Москва, Т. 163, вып. 12, С. 78-108.
- Ефимов А. И., 1969, *Стилистика русского языка*, Москва: Просвещение, 262 с.
- Ефимов А. И., 1961, *Стилистика художественной речи*, – 2-е изд., доп. и перераб., Москва: МГУ, 519 с.
- Ефремов А.Ф., 1965, *Изобразительно-выразительные качества русского глагола*. – *Вопросы теории и методики изучения русского языка*, Саратов: Саратовский ун-т, С. 181-188.
- Ильясова Л.Р., 1991, *Категория данного/нового и первичная/вторичная номинация*. – *Высказывание и его аспекты*, Иваново: 1991, С. 83-89.
- Карташова Ф. И., 1991, *Повторные номинации как один из способов организации высказывания*. – *Высказывание и его аспекты*, Иваново: 1991, С. 58-64.
- Karcevski S., 1927, *Système du verbe russe. Essai de linguistique synchronique*, Prague: 1927.
- Кацитадзе Э.А., 1985, *Метафоризация зоонимов в немецком языке*, АКД, Тбилиси, 20 с.
- Колесникова Н. П., 1978, *Глаголы с корнями – названиями животных*, "Русский язык в школе", Москва, № 1, С. 94-96.
- Лакофф Д., Джонсон М. , 1990, *Метафоры, которыми мы живем*. – *Теория метафоры*, Общ. ред. Арутюновой Н.Д. и Журинской М.А., Москва: Прогресс, С. 387-415.
- Левин С., 1990, *Прагматическое отклонение высказывания – Теория метафоры*, Общ. ред. Арутюновой Н. Д. и Журинской М. А., Москва: Прогресс, С. 342-357.

- Молчанова Г.Г., 1988, *Семантика художественного текста (импликативные аспекты коммуникации)*, Ташкент: Фан, 1988. – 163 с.
- Нагапетян А. С., 1977, *Метафорическое употребление глаголов движения в творчестве А. Блока. – Русский язык и методика его преподавания в Арм. ССР*, Ереван, Вып. 1. – С. 105-114.
- Никитин М. В., 1979, *О семантике метафоры*, "Вопросы языкознания", Москва, № 1. С. 91-102.
- Ортони Э. *Роль сходства в уподоблении и метафоре. – Теория метафоры*, Общ. ред. Арутюновой Н. Д. и Журинской М. А., Москва: Прогресс, С. 219-235.
- Петрова И.А., 19706 , *Лингвистическое изучение глагольной метафоры*, АКД, Горький, 19 с.
- Потебня А.А., 1990, *Метафора. – Теоретическая поэтика*, Москва: Высшая школа, С. 202-232.
- Пузин Г. С., 1975, *Глагольная лексика в романе М. А. Шолохова „Поднятая целина”* / АКД, Москва, 32 с.
- Ричардс А., 1990, *Философия риторики, Теория метафоры*, Общ. ред. Арутюновой Н. Д. и Журинской М. А., Москва: Прогресс, С. 44-67.
- Росинене С. И., 1978, *Характеристика человека зоонимами в литовском языке*, АКД, Вильнюс, 21 с.
- Сергеев В. Н., 1983, *Зооморфизмы в языке и словаре. – Современная русская лексикография*, Ленинград: 1983, С. 64-72.
- Ситдикова Ф. Б., 1990, *Эллипсис как средство проявления имплицитного (на материале татарского языка). – Языковые уровни и их взаимодействие*, Казань: Изд-во Казанского ун-та, С. 33-44.
- Скляревская Г.Н., 1987, *Языковая метафора в словаре. Опыт системного описания*, "Вопросы языкознания", Москва, № 2, С. 58-65
- Скоровородников А.П., 1979, *Об одном типе повторной номинации со стилистической значимостью. – Синтаксис текста*, Москва: Наука, С. 182-196.
- Смирнова Н.С., 1965, *О метафорическом употреблении глаголов*: Канд. диссертация. – Москва, 377 с.
- Смирнова Н. С., 1966а, *О метафорическом употреблении глаголов. (На материале романа А. М. Горького „Мать”)*, АКД. – Красноярск: 1966. -16 с.
- Софронова А.И., 1973, *Из наблюдений над влиянием антонимической соотносительности на процесс метафоризации глагольной лексики* , "Ученые записки ПИ", Вып. 114, С. 171-177.
- Способы номинации в современном русском языке*, 1982, Отв. Ред. Шмелев Д. Н., Москва: Наука, 296 с.
- Степанов Ю. С., 1975, *Основы общего языкознания*, – 2-е изд., перераб., Москва: Просвещение, 271 с.
- Степанченко И.И., 1980, *Об изучении метафор стиля на экспериментальной основе*, "Вопросы лексической семантики", Москва, 139 с., Стр. 96-112.

- Стернин И. А., 1980, *Актуализация сем и выразительность текста*. – Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, Вып. 9, 156 с. Стр. 59-69.
- Телия В., 1977, *Вторичная номинация*. – *Языковая номинация (Виды наименований)*, Москва: Наука.
- Тошович Бранко, 1996, *Повторная номинация в Библии*. – *Czowiek-dzieio-sacrum*, Opole 237-259.
- Уилрайт Ф., 1990, *Метафора и реальность*. – Теория метафоры, Общ. ред. Арутюновой Н.Д. и Журиной М.А., Москва: Прогресс, 1990, С. 82-109.
- Черкасова Е. Т., 1968, *Опыт лингвистической интерпретации тропов (Метафора)*, "Вопросы языкознания", № 2, С. 29-38.
- Шабуришвили Ш.К., Зурабушвили Г.З., 1990, *О коммуникативно-функциональном аспекте повторной номинации*, "Сообщения АН Груз. ССР.", Тбилиси, Том 137, 3, С. 645-648.
- Шендельс Е. И., 1972, *Грамматическая метафора*. "Филологические науки", Москва, № 3, С. 48-57.
- Языковая номинация (Виды наименований)*, 1977, Отв. редакторы Серебренников Б. А. и Уфимцева А. А., Москва: Наука, 358 с.
- Gudelj Petar, 1975, *Šta govore metafore*. – 2. izd. – Beograd: Zavod za ud'benike i nastavna sredstva, 1975. – 95 s.
- Mladenov Marin, 1987, *Metafora u jeziku javnog informisanja*, Beograd: Kultura, 1987. – S. 186-193.
- Vuković Jovan, 1967, *Sintaksa glagola*, Sarajevo: Zavod za izdavanje udžbenika, 1967. – 419 s.
- Živković Dragiša, 1965, *Teorija književnosti sa teorijom pismenosti*, Beograd-Sarajewo: Naučna Knjiga. Svjetlost.

Структура глагольной метафоры

Одним из самых привлекательных, самых изученных и все же самых загадочных языковых феноменов является метафора. Это комплексное явление, которое по-разному называется (троп, фигура, образное средство), обладает особенной семантической структурой. В анализе метафоры мы исходим из того, что ее основными аспектами являются номинация, значение, функция, корреляция, структура, прием, результат и типология. На основе проведенного анализа мы пришли к следующим выводам.

1. Метафора является видом реноминации (косвенного наименования), при которой определенная языковая единица (лексическая или грамматическая) переосмысливается и переориентируется на новую функцию. Такие семантические

сдвиги ведут к образованию лексической, грамматической и лексико-грамматической метафоры.

2. Метафора создается при помощи транспозиции – приема, в основе которого лежит изменение качества.

3. Сущность метафоры лежит в глобальных языковых сферах, причем самыми релевантными из них являются сфера функции и сфера корреляции. Глагольная метафора строится на двух типах отношений: на отношении языковых единиц (лексем или грамем) и на отношении языковых сфер, к которым они принадлежат.

4. Глагольная метафора имеет свою формальную структуру. Ее порождает внешний генератор (метафоратор). Элементы самого узкого контекста, участвующие в образовании переносного значения, составляют глагольный метафорический комплекс (ГМК). Он имеет два типа конstituентов – обязательные и факультативные. Обязательными конstituентами является экспликатор и импликатор, факультативным – объект. Глагольная метафора имеет более сложную структуру, чем именная.

5. Конstituенты ГМК образуют сеть взаимоотношений, в которых они меняются местами и создают различные варианты метафорического и неметафорического высказывания. Трансформации в рамках ГМК могут иметь обратимый или необратимый характер.

6. Глагол обладает очень широким и разнообразным метафорическим потенциалом. Процесс метафоризации глагола имеет, как правило, направление „конкретное а отвлеченное“.